

*Е.В. АЛЫМОВА**

**СОКРАТ, КОТОРОГО НЕ ЗНАЛИ
(НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ТОМ, КАКИМ ВИДЕЛИ СОКРАТА
МЕЖДУ АНТИЧНОСТЬЮ И РЕНЕССАНСОМ)****

В статье представлены основные тенденции реконструкции образа Сократа, его рецепции и интерпретации в Средние века. Особое внимание уделяется западноевропейской, латиноязычной, традиции, а также традиции арабской средневековой философии. Отмечается, что при всей несхожести интеллектуальных и культурных контекстов эти тенденции удивительно похожи: Сократ в обеих — прежде всего моральный авторитет.

Ключевые слова: Сократ, Средние века, арабская философия об Античности.

*ALYMOVA E. V.
SOCRATES AS HE WAS UNKNOWN
(SOME NOTES ON HOW SOCRATES WAS CONSIDERED BETWEEN ANTIQUITY
AND RENAISSANCE)*

The article presents the main tendencies prevalent in reconstruction of the figure of Socrates, its reception and interpretation within the limits of the Middle Ages. The principal stress is laid on the Western European Latin speaking culture with the tradition of Arab mediaeval philosophy to add. Attention is drawn to the fact that taking into account all the discrepancies between these cultures we have to admit that they are strangely unanimous in their treatment of Socrates: in both cases he is considered as a moral authority first of all.

Keywords: Socrates, Middle Ages, Arab Philosophy on the Antiquity.

Что вообще значит — знать Сократа, знать о Сократе? Уже общим местом стала печальная для некоторых и, наоборот, чреватая разными смыслами с точки зрения других констатация того факта, что в нашем распоряжении Сократ

* Алымова Елена Валентиновна, кандидат философских наук, доцент; Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; ealymova@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

только литературный, и в таком статусе — нечто вроде симулякра. И при всем том Сократ продолжает оставаться образцом мудреца на все времена.

Проблема существования Сократа в веках, в истории оказывается проблемой рецепции его образа, которая, в свою очередь зависит от двух фундаментальных факторов: во-первых, от традиции, от предания, во-вторых, от историков, на основании которых возможна (ре)конструкция Сократа как текста. Мы не случайно употребляем именно это слово — текст: Сократ не просто вышел из текстов Аристофана, Ксенофонта и Платона как тот, кто говорит — он и тот, о ком говорят (платоновский Сократ, Сократ других вышеназванных авторов, хотя и наделен собственным голосом и, как правило, ведет диалог, на деле оказывается тем, о ком говорят авторы, в произведениях которых он выступает как персонаж). По всей видимости, Сократ, которого мы знаем, и внешне — порождение текста, текста Платона, вложенного в уста Алкивиада в «Пире».

Источники, с которыми можно работать, делятся на две группы: источники литературные, источники визуальные, и последние никак нельзя отставлять в пренебрежении.

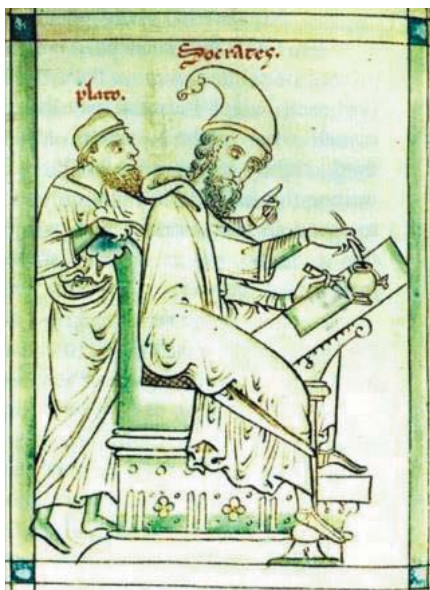
В нашей статье, однако, рассматривается прежде всего традиция, зафиксированная в слове, а не в камне, не на доске или холсте. Причем хронологические границы, в которых мы будем перемещаться, — время между Античностью и Ренессансом. Налагая ограничения на событийный континуум, мы как бы замыкаем его часть, ограничиваем его как эпоху. В нашем случае речь пойдет о том, что называется Средними веками. В силу того, что хронологические ограничения искусственны (эпохи существуют только в головах историков), и среди исследователей нет консенсуса, нам следует уточнить, какие временные пределы имеем в виду мы. Строго говоря, Средними веками мы считаем столетия (содержательно очень разнообразные, что затрудняет репрезентацию их интеллектуальной культуры в деталях в рамках одной статьи), расположившиеся между двумя датами. Нижний предел — 529 г., год в который имели место два важнейших события: император Юстиниан закрыл в Афинах все философские школы, а Бенедикт Нурсийский учредил первый монастырь на горе Кассино (Монте Кассино), а вместе с ним и первый монашеский орден. На смену мудрецу-философу пришел мудрец-монах. Верхний — появление «Комедии» Данте, то есть начало XIV в. Поэтическая сумма теологии Данте, как двуликий Янус, размещаясь на границе, обращена в обе стороны: она подводит итог и обнаруживает новые тенденции. Однако при таком раскладе из поля зрения неизбежно выпадает ряд мыслителей, без которых интеллектуальная культура средневековья просто не возможна, а потому мы, несмотря на то, что предложенные ограничения, все же включим их в наш контекст. Речь идет о так называемых апологетах и некоторых отцах церкви.

Начнем все же с конца:

Потом, взглянув на невысокий склон,
Я увидал: учитель тех, кто знает,
Семьей миролюбивой окружен.
К нему Сократ всех ближе восседает
И с ним Платон; весь сонм всеведца чтит (...)

Данте. Божественная комедия. Ад, 4, 130–134 [4, с. 26].

Это время Аристотеля, вернувшегося, надо сказать, в Европу только в XII в. Аристотель для Высокого средневековья был большим авторитетом, чем Платон, которого, кстати сказать, знали в Западной части некогда бывшей Римской империи весьма плохо. Именно Аристотель был Философом с большой буквы. Такая иерархия мыслителей Античности — Аристотель, Сократ, Платон — вполне описывает ситуацию: Аристотель стал необходимым собеседником для мыслителей Высокого средневековья, для Фомы Аквинского, прежде всего, а рядом — Сократ, пиетет перед которым продолжали испытывать, хотя, как будет показано ниже, до поры до времени вообще не ставили вопроса о том, чем Сократ мог быть «на самом деле». При этом, что особенно любопытно, Сократ был фигурой символической — в нем сконцентрировалось все противоречивое отношение христианского средневековья к языческой мудрости: не в Сократе видели творение Платона, героя его жизненной драмы (Вл. Соловьев), — Платон воспринимался как творение Сократа. Весьма показателен в этом смысле один документ, одно визуальное свидетельство: изображение Сократа и Платона, выполненное Матвеем из Парижа (XIII в.), монахом-бенедиктинцем, хроникером и картографом, а также иллюстратором манускриптов (рис. 1). Крупно дана фигура восседающего на возвышении человека, перед ним попитр, он пишет. За его спиной — фигура меньшего масштаба: изображенный, выглядывая из-за плеча пишущего, следит за ним. Над первой фигурой, фигурой человека с пером, — надпись: Сократ, над второй фигурой, фигурой подсматривающего, — Платон. Достояна внимания композиция: такая мизансцена (разве что без человека за спиной) очень часто встречается в средневековой живописи. В такой позе — на возвышении за попитром, на котором — рукопись, средневековые мастера изображали обычно евангелистов. Мы, вовлекаясь в бесконечные дискуссии вокруг того, что может быть названо Сократовским или Платоновским вопросом, предполагаем, что скорее Платон «создал» Сократа,

тут все наоборот: написанное Платоном, на самом деле не что иное, как сочинения самого Сократа: прямо или фигурально, но рукой Платона водил гений Сократа, или его дaimон.

Эта миниатюра фиксирует, собирая в одном наглядном представлении, отношение западного Средневековья к Сократу и Платону. Все написанное в сочинениях средневековых авторов — своего рода комментариев к этому изображению.

С возвращением Аристотеля в западноевропейский философский мир связано, в частности, и формирование нового отношения к Сократу, точнее — к тому, что обернется Сократовским вопросом. Отношение критическое, а именно: какие мысли в источниках, в диалогах Платона прежде всего, могут

быть атрибутированы самому Сократу, а какие — авторам источников. Эта проблема заботила Фому Аквинского и его ученика Анри Бата из Мехелена (1246–1310).

Однако такая критическая позиция — скорее исключительна и оригинальна для западного Средневековья, которое Сократа толком и не знало. Чуть ли не единственный источник — традиция и память культуры. Проект Боэция перевести всего Платона и Аристотеля на латинский язык так и остался неосуществленным. Диалоги «Федон» и «Критон» появились в латинском переводе не ранее XII в. (Генрих Аристипп из Калабрии перевел «Федона», возможно, в 1156 г., что, впрочем, не меняет картины в целом), «Тимей» и «Парменид» были доступны латиноязычному читателю, не знавшему греческого языка, лишь частично. Особым вниманием у комментаторов, и ясно почему, пользовался «Тимей», причем они, следуя за Халкидием (конец IV — начало V вв.), переводчиком «Тимея» на латынь и его толкователем, считали космологию «Тимея» выражением мысли Платона — не Сократа (так, например, в XII в. полагал Бернар Шартрский).

Существует инерция традиции, память культуры, которые миф могут превратить в историю, а могут — историю в миф. Средневековый Сократ, как кажется, вполне совместил в себе две вышеназванные тенденции.

В Средние века (впрочем, дело так обстоит всегда) понимание того, что из себя представляет Сократ, зависело в общем и целом — повторим — от тех письменных источников, которыми располагали комментаторы, которые, в свою очередь, представляли разные интеллектуальные традиции. Речь идет о 1) восточной христианской традиции (Византия), 2) западной христианской традиции (их сближение начнется примерно в XIII в., а XV век станет свидетелем их тесных контактов) и, наконец, 3) об исламской традиции.

Очевидно, в Восточной Римской империи, у ромеев, в ходу были грекоязычные источники, на основании которых можно было сформировать образ Сократа, другими словами, они читали не только «первоисточники» — Платона и Ксенофонта, но были знакомы со стоической, неоплатонической традицией, с Диогеном Лаэртским, Плутархом, Лукианом. С текстами Платона знакомы были и исламские мыслители. Само по себе это обстоятельство не удивительно, удивительно другое: присутствие Сократа в контексте арабской философии [6; 7].

В интересах данной статьи, принимая в расчет ограниченность ее объема, мы сконцентрируемся на двух последних традициях: на западной христианской и на исламской, иначе говоря, опишем, как представляли себе Сократа те, кто его не знал: латинский Запад — потому что по большей части утратил связь с греческим языком, а стало быть, и с оригиналами, арабский мир — потому что имел дело с неизвестной для него культурой, реалии которой были непонятны, но вызывали живейший интерес, о чем свидетельствуют многочисленные переводы греческой философской классики на арабский язык. В переводах на арабский можно было прочитать Платона, Аристотеля, неоплатоников. А Сократом интересовались не только в философских кругах, но и в поэтических.

Так что же на Западе? Как обстояло дело там? На Западе Сократа помнили таким, каким он представлен в латиноязычной литературе. Он был известен

через отцов церкви, особенно через Иеронима и Августина, а также через таких христианских авторов, как Лактанций. Все же главными хранителями памяти о Сократе на средневековом Западе были Цицерон, Сенека, Апулей, Валерий Максим, Авл Геллий. В глазах человека, знакомого с их сочинениями, которые входили в канон изучаемых и читаемых авторов, Сократ предстал прежде всего как символ добродетели, нравственного и мужественного поведения, и только во вторую очередь как философ. Именно как символ — проблема исторического Сократа перед средневековыми мыслителями не стояла (разве что в аспекте различия Сократа и Платона, что интересовало Фому Аквинского), поэтому они прислушивались к тому, чему учил, скажем, Сенека. Говоря о необходимости подражать образу жизни учителя, а не только его словам, он пишет в VI письме: «И Платон, и Аристотель, и весь сонм мудрецов больше почерпнули из нравов Сократа, чем из его слов» [5, с. 11]. Главная же заслуга Сократа — в том, что он «*totam philosophiam revocavit ad mores et hanc summam dixit esse sapientiam*» («всю философию обратил к нравам и утверждал, что это и есть высшая мудрость») (LXXI, 7, 1–2; пер. наш. — Е.А.) [10, с. 277]. Уважение вызывает мужество Сократа перед лицом смерти (для стойков, а впоследствии и для христиан подобная стойкость — добродетель): «*cicuta magnum Socraten fecit*» («цикута сделала Сократа великим») (XIII, 14, 4; пер. наш. — Е.А.) [10, с. 47], и «*in carcere Socrates disputavit et exire, cum essent qui promitterent fugam, noluit*» («в темнице Сократ вел беседы и выйти из нее не захотел, хотя были такие, кто предлагал побег») (XXIV, 4, 5–6; пер. наш. — Е.А.) [10, с. 92]. Таким образом чаша, наполненная ядом, «*Socraten transtulit e carcere in coelum*» («перенесла Сократа из темницы на небо») (LXVII, 7, 6–7; пер. наш. — Е.А.) [10, с. 257]. В CIV письме стойкость Сократа и его выдержка иллюстрируется не только примером его смерти — всей жизни:

Если вам нужен пример, возьмите Сократа, старца необычайной выносливости, прошедшего через все невзгоды, но не побежденного ни бедностью, еще более гнетущей из-за домашнего бремени, ни тяготами, которые он нес и на войне, и дома должен был сносить, — вспомни хоть его жену с ее свирепым и дерзким языком, хоть тупых к учению детей, больше похожих на мать, чем на отца. И почти всю жизнь его была то война, то тирания, то свобода более жестокая, чем война и власть тиранов (...) и наконец — приговор по самым тяжким статьям: ему ставили в вину и святотатство, и развращение юношества (...) а после этого — темница и яд. Но все это настолько не изменило его души, что он даже в лице не изменился. Вот удивительное и редкое свойство! А Сократ сохранил его до последнего часа: никто не видел его ни веселее, ни печальнее, — он был постоянно ровен среди постоянных преследований фортуны [5, с. 265].

Возникает, не может не возникнуть, вопрос: что явилось источником для такого изображения? Вот пример того, как «исторический» Сократ постепенно становится мифом.

Мы так подробно остановились на Сократе Сенеки потому, что в общем и целом именно таким будут представлять себе Сократа на средневековом Западе: Сократ по преимуществу оказывается персонажем этического дискурса.

Еще одна проблема, занимавшая средневековых авторов, обращавшихся к Сократу, — его даймонион: христианские авторы стояли перед необходимо-

стью объяснить, что это такое. Естественным образом сложились две интерпретационные стратегии: адепты первой оправдывали присутствие даймо́ния в жизни Сократа (Апулей), адепты второй были настроены менее толерантно. Так оформилась анти-сократовская тенденция, которая представлена, например, Тертуллианом и Минуцием Феликсом. Их упреков достаивался не только даймо́нион — сомнение у средневекового христианского мыслителя, особенно первых веков христианства, вызывало и само благочестие Сократа: Сократ Платона и Сократ Лукиана давали повод для подобного сомнения (тем, конечно, кто читал по-гречески). И все же тенденция видеть в Сократе нравственный авторитет, хоть и языческий, как кажется, возобладала. Исидор Севильский, автор «Этимологий», считает Сократа основателем этики (II, 24. 5), Пьер Абеляр в «Христианской теологии» говорит о нем как о *praecipuus philosophus* (выдающемся философе) (II, 74). Самого Абеляра, между прочим, называли Сократом Галлии и Аристотелем его времени. Аристотелем, очевидно, как философа, а Сократом как много претерпевшего в жизни, но мужественно переносившего все тяготы. В XI — XII вв. сравнение с Сократом — дорогого стоит.

Платоновская философия и Сократ как протагонист его диалогов, без всякого сомнения, были бы известны на территориях Западной Римской империи и ее наследников, если бы осуществился грандиозный проект Боэция перевести на латинский язык всего Платона и всего Аристотеля. Но этого не произошло. Один из претендентов на звание «последнего римлянина» — Аниций Манлий Торкват Северин Боэций — закончил дни в темнице, накануне смерти он написал свои «Утешения». Очевидно, Боэций видел себя отчасти Сократом, который с помощью Философии «добился победы над несправедливой смертью» [3, с. 193]. Судьба Сократа — философа, непонятого, а потому изгнанного из этого мира, — напоминала ему его собственную. Лирический герой Боэция говорит: «Вместо награды за истинную добродетель я подвергся наказаниям за несовершенное злодеяние»; «мои обвинители усматривают в тебе, — эти слова обращены к Философии, — доказательства какой-то вины и, кажется, предполагают возможность совершения злодеяния мной только потому, что я возвращен под твоим покровительством и возвращен в твоих правилах» [3, с. 198].

Кроме того, Боэций фактически осуществляет желание платоновского Сократа из диалога «Федон» — очиститься с помощью поэзии: этим, видимо, объясняется форма «Утешений» — прозиметр (сочетание прозы и стихов), форма, созданная Мениппом Гадарским (вторая половина III в. до н. э.), философом-киником, возводившим, как и все киники, свои начала к Сократу.

Без особого восторга, но отдавая должное, о Сократе пишет Августин. Ученик Амвросия Медиоланского, последователь неоплатонизма, профессиональный ритор Августин, не очень любивший греческий язык, едва ли был знаком с платоновскими диалогами, а потому его Сократ — тоже Сократ-миф, порождение традиции. В третьей главе VIII книги «О граде божем» читаем:

О Сократе первом говорят, что он поставил целью философии исправление и образование нравов (...) Я не нахожу возможным однозначно определить, что пробудило к этому Сократа: отвращение ли к предметам темным и неопределенным и желание открыть что-нибудь ясное и точное, необходимое для блаженной

жизни, ради которой единственно, по-видимому, и трудились с такой рачительностью все философы; или же (...) он не хотел, чтобы нечистые от земных страстей души дерзали касаться вещей божественных, так как он видел, что они доискиваются таких причин вещей, которые прежде всего и главнейшим образом находятся в ведении единого и высочайшего Бога; почему и полагал, что они могут быть постигаемы не иначе, как чистою душой, и думал, что следует настаивать на очищении жизни добрыми нравами, дабы дух, освобожденный от гнетущих его страстей, был в состоянии естественною силой возвышаться к вечному и созерцать чистым разумением природу бестелесного света, в котором пребывают причины всех сотворенных вещей [1, с. 325].

И у Блаженного Августина Сократ вызывает удивление по причине своей «безукоризненной славы жизни и смерти» [1, с. 325–326]. Именно такой образ жизни и уход из нее породили «многих последователей его философии, старавшихся посвятить свои труды исследованию вопросов нравственных, относящихся к тому величайшему Благу, которое одно может сделать человека блаженным» [1, с. 326]. Таким образом, Августин держит сторону тех, кто полагает Сократа превзошедшим всех в деятельной жизни [1, с. 327].

Остается вопрос о религиозности Сократа. Его Августин касается в сочинении «Об истинной религии», в частности, он обсуждает «дерзость» Сократа, который будто бы имеет привычку клясться собакой или чем-нибудь из того, что оказывается у него под рукой, например, камнем. Августин выступает в некотором смысле как апологет сократовской языческой религиозности:

Сократ, говорят, был смелее других, клянясь собакой, камнем и вообще всем, что только попадалось на глаза (...) Я полагаю, он понимал, что каждое из творений природы, которое возникает по воле божественного промысла, гораздо лучше, чем произведения каких угодно художников, а потому и более достойно почитания, нежели каменные идолы, помещенные в языческих храмах. И все это не потому, что камень и собака действительно заслуживают восхищения мудрецов, но этим он хотел дать понять людям, в какое глубокое суеверие они погружены. Вместе с тем он, изобличал этим и мерзостное воззрение тех, кто считал этот видимый мир высшим Богом, делая из этого вполне последовательный вывод, что в таком случае следует чтить и всякий камень, как частицу высшего Бога [2, с. 394].

Итак, какими источниками, кроме рассмотренных выше, мы еще располагаем. Перечень источников содержится в первом томе фундаментального труда итальянского историка философии Габриэле Джаннантони *Socratis et Socraticorum Reliquiae* [12, с. 311–341]. Номенклатура этого издания в разделе *Patrum Christianorum Testimonia* (Свидетельства отцов церкви) насчитывает девятнадцать позиций, в том числе свидетельства *Acta Martyrum* (видимо, речь идет о протоколах суда над христианами, который состоялся в 180 г.); свидетельства Юстина (120–165 гг.), Татиана (120–173 гг.), Климента Александрийского (150–215 гг.), Оригена (185–254 гг.), Иоанна Хрисостома (347–407 гг.), Тертуллиана (160–240 гг.), Лактанция (250–320 гг.), Иеронима (342–420 гг.), Августина (354–430 гг.).

Любопытен контекст, в котором встречаем имя Сократа в *Acta Martyrum* (Apollon. 41): «Как и Сократа (Σωκράτους) афинские клеветники несправед-

ливо осудили, убедив и толпу, так и нашего учителя и спасителя (σωτήρως) другие злодеи осудили, связав его» (Пер. наш. — Е.А.) [12, с. 311]. Очевидно, обращая внимание на созвучии имени афинского философа и слова спаситель (Σωκράτους / σωτήρως), автор этих строк примиряет языческого мудреца и мудреца нового типа: Сократа и Иисуса.

Надо сказать, что имя Сократа нередко воспринималось как говорящее, то есть либо этимологизировалось, либо толковалось на основании созвучий с другими словами, семантика которых представлялась важной для христианского философского контекста, и не только (о том, как переводили имя Сократа арабские комментаторы, мы скажем ниже), кроме того, некоторые латиноязычные авторы слышали в имени Сократа отголоски родного им слова *sortes* (множ. от. *sors* — жребий, судьба, удел).

Следующая группа источников по «средневековому» Сократу относится к более позднему времени, чем источники, собранные в издании Габриэле Джаннантиони. Их перечень приведен в соответствующей статье «Лексикона Средних веков» (*Lexikon des Mittelalters*). [11, с. 2027–2028]. Прежде всего следует отметить компендиум всех сведений о Сократе, составленный Винсентом де Бове (1190–1264) и представляющий собой часть его энциклопедического труда *Speculum majus* (Великое зеркало). Труд Винсента состоит из четырех Зерцал, а главы, в которых речь, в частности, идет о Сократе, включены в *Speculum historiale* (Историческое зеркало).

Анализ источников приводит к неизбежному выводу: Средние века знали Сократа, но знание это было особенным: его история была чем-то вроде смешения мифов и агиографии [9, с. 337].

На Западе ситуация меняется в XV в., когда возникают культурные связи между западом и Византией. В западной Европе появляются греческие оригиналы и переводы на латинский классиков греческой словесности, философской в том числе [9, с. 337–352]. Авторы эпохи Возрождения иногда предпринимали попытки «отредактировать» Сократа, адаптируя его к вкусам и привычкам воспитанного в духе христианства читателя, в частности, цензуре подвергались гомозротические пассажи платоновских сочинений [9, с. 343]. Цель таких правок — не столько апология, сколько реабилитация, восстановление, возрождение Сократа во всех (почти всех) его правах перед лицом христианского мира. У ренессансных мыслителей Сократ-этик, немного недохристианин усложняется за счет обнаружения в нем политика.

Теперь переместимся на арабский Восток. Арабские мыслители проявляли удивительный интерес к греческой философии. Переводили авторов, составляли к ним комментарии, нередко плохо отдавая себе отчет в особенностях реалий греческого мира (ситуация, замечательный образом представленная в рассказе Х. — Л. Борхеса «Поиски Аверроэса»). Сократ в средневековой арабской традиции — не мудрец-философ, он — образец нравственного поведения.

Средневековые исламские мыслители знакомились с Сократом по переводам прежде всего платоновских диалогов («Апология», «Федон», «Критон», «Тимей»), но не только: арабские философы хорошо знали греческую традицию, они даже сформировали канон «столпов мудрости», в который вошли Фалес, Анаксагор, Анаксимен, Эмпедокл, Пифагор и Платон. Ибн аль-Кифти

(1173–1248) к этим шести причислял Сократа. Удивляет количество посвященных Сократу сочинений, которые выходили из-под пера арабских мыслителей [8, с. 317–336]. Сократ настолько импонировал идеологическому контексту средневекового арабского мира как мудрец, чья мудрость соединяла в себе теорию и практику, что они пускались на поиски «исторического» Сократа (пути, на которых эти поиски осуществлялись, были весьма специфическими как в хронологическом, так и в географическом плане): предпринимались попытки восстановить биографию Сократа, которая оказывалась весьма фантастической. Так, некоторые «биографы» утверждали, что он сириец, другие видели в нем грека, но сирийского происхождения; жил Сократ то ли во времена Дария (правил 522–486), то ли во времена Артаксеркса (правил 465–424), который и отправил его в темницу за организацию религиозной оппозиции. Само имя Сократ очень часто передавалось не в транслитерации, а в переводе, который учитывал этимологию имени: «Непоколебимо-и-Непогрешимо-Справедливый», «Хранитель-Силы-Твердости» (от σώζω — спасать, сохранять и κράτος — сила).

Создается впечатление, что арабские мыслители наделяли Сократа теми чертами, которые в их глазах и в горизонтах исламской этики заслуживали особенного одобрения. Их Сократ — совершенный мудрец, образец нравственного поведения. И это прежде всего.

Даже на основании столь краткой презентации, каковой является наша статья, можно заключить: Сократ пользовался несомненным авторитетом, его авторитет часто основывался на том, что можно было бы назвать культурной памятью и предрассудками, причем неважно, были ли на руках у комментаторов греческие «оригиналы». На латинском Западе их практически не было, арабский Восток источниками оснащен был намного лучше, тем более удивительно, что средневековый западный и арабский Сократы так похожи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаженный Августин. Творения. О граде божем: I — XIII / Составление и подготовка текста к печати С. И. Еремеева. — СПб.: Издательство «Алетейя»; Киев: УЦИИМ-пресс, 1998.
2. Блаженный Августин. Творения. Об истинной религии // Блаженный Августин. Творения. Об истинной религии / Составление и подготовка текста к печати С. И. Еремеева. — СПб.: Издательство «Алетейя»; Киев: УЦИИМ-пресс, 1998.
3. Боэций. Утешение философией / Пер. В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина // Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Л. Лозинского. — М.: Интерпракс, 1992.
5. Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. — М.: Издательский центр «Ладомир» — «Наука», 1993.
6. Alon I. Socrates in Mediaeval Arabic Literature / eds. H. Deiber, D. Pingree. — Jerusalem: Leiden, 1991.
7. Alon I. Socrates Arabus: Life and Teachings. — Jerusalem: The Max Schloessinger Memorial Foundation, 1995.

8. Alon I. *Socrates in Arabic Philosophy // A companion to Socrates* / Ed. by Sara Ahbel-Rappe and Rachana Kamtekar. — Blackwell Publishing Ltd., 2006.
9. Hankins J. *Socrates in the Italian Renaissance // A companion to Socrates* / Ed. by Sara Ahbel-Rappe and Rachana Kamtekar. — Blackwell Publishing Ltd., 2006.
10. L. Annaei Senecae ad Lucium Epistulae Morales: 2 vol. / Achilles Beltrami recensuit. Vol. 1. — Romae: Typis regiae officinae polygraphicae, 1937.
11. Laarmann M. *Sokrates im MA // Lexikon des Mittelalters*. Vol. 7.2. — Stuttgart; Weimar: Verlag L. B. Metzler, 1999.
12. *Socratis et Socraticorum Reliquiae*: In 4 Vol. / Collegit, disposuit, apparatibus notisque instruxit Gabriele Giannantoni. T. 1. — Napoli: Bibliopolis, 1990.